

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭМПАТИИ: ОТ СОСТРАДАНИЯ К РАЗУМУ И ПРАВУ

Добрый день. Сегодня мы поговорим об эмпатии. Чтобы уложиться в отведённое время, я, во-первых, в основном буду придерживаться текста, во-вторых, не буду перегружать лекцию ссылками на источники, а если возникнут вопросы, в конце на них отвечу.

В науке и философии долго господствовала точка зрения об абсолютной замкнутости индивидуального сознания человека, о его заключённости в некий непроницаемый кокон. Идея эмпатии противоречит этому представлению, поскольку эмпатия означает непосредственное чувствование чужого эмоционального состояния. Это до сих пор звучит довольно мистически, но существованию эмпатии есть несметное множество экспериментальных подтверждений.

Один из первых экспериментов состоял в том, что в соседние клетки помещали двух крыс, при этом у одной из них была педаль, нажимая которую, она открывала себе кормушку, но одновременно замыкалась электрическая цепь и соседка получала удар током, достаточно сильный, чтобы была видна её болевая реакция. Крысы, прошедшие через клетку с педалью, разделились на три группы. Часть отказалась нажимать практически сразу, они не хотели получать еду ценой страдания собрата, вторая часть отказалась нажимать на педаль после того как сама побывала в соседней клетке, и наконец третья часть нажимала и ела, и ничто не могло испортить аппетит.

Эксперимент демонстрирует, во-первых, факт существования сострадания и его влияние на поведение, во-вторых, что в пределах одного вида это способность у разных особей существенно различна, иначе говоря, и крысы есть добрые и злые. Впоследствии было описано огромное множество проявлений сострадания и других форм эмпатии. Например, в одной из наблюдаемых групп шимпанзе альфа-самец каждое утро выводил из тёмного помещения за руку старую слепую самку и усаживал её греться на солнышко, а вечером также заводил обратно. В другой группе тяжело больному бывшему альфа-самцу другие обезьяны охапками носили опилки и подтыкали под спину чтобы ему было удобнее лежать. Сегодня нейрофизиологическими методами зафиксированы мозговые реакции одних животных на болевые и другие эмоциональные проявления других.

Специалисты связывают возникновение эмпатии с появлением родительского инстинкта. Есть животные, которые от рождения несут в себе готовый пакет поведенческих программ. Здесь нет родительского инстинкта, так как нет детства, они сразу готовы к жизни. Когда куколка превращается в бабочку, она уже взрослая. И в языке нет слов бабченок, кузнечонок, муравьёнок, но есть слова Львёнок, Волчонок и Лисенок, потому что помимо насекомых и других очень похожих на автоматы животных, есть те, кто в большой степени самостоятельно строит свое поведение. Это значит, когда они рождаются на

свет, они ещё не умеют жить, поэтому задача их защиты и жизнеобеспечения решаются другими. Здесь и возникает родительский инстинкт, а механизмом его реализации как раз и выступает эмпатия. Когда птенец в страхе пищит, его страх становится страхом его матери за него и энергия этой эмоции бросает ее на яростную защиту своего дитя.

Самым беспомощным из живых существ на свет рождается человек, у него самое длинное детство и самая сильная эмпатия.

Наука интенсивно изучает механизм действия эмпатии. Некоторое время назад были открыты так называемые зеркальные нейроны, которые играют важнейшую роль в её обеспечении. Психологи часто связывают эмпатию с тем, что человек представляет себе ситуацию другого и ставить себя на его место. Однако исследования показывают, что эмпатия работает совсем не так, это гораздо более телесный процесс.

Участникам одного из экспериментов показывали видеоряд, куда были вмотированы лица со счастливым, злым или нейтральным выражением лица, но только в течение 30 миллисекунд – слишком мало, чтобы можно было заметить. Но когда показывали счастливое лицо, фиксировалась повышенная электрическая активность в мышцах, необходимых для улыбки и имитации этого лица, а сердитое лицо задействовало мышцы, необходимые для имитации сердитого выражения. Мы «зеркалим» других, и тем самым понимаем их эмоциональные состояния.

Человеческое лицо находится в непрерывном движении. Сейчас проводится исследование людей, использующих ботокс. Их лица эту способность утрачивают, микровыражения исчезают, и поэтому у этих людей дефицит эмпатии. Другие также чувствуют себя отрезанными от них, потому что их лица неподвижны, и это разрушает эмоциональную связь.

С развитием эмпатии она выходит за пределы связки мать дитя, и распространяется на более широкий Круг и становится механизмом образования групп высокоразвитых животных. Эмпатия как дистанционная эмоциональная связь создаёт психическое единство группы и обеспечивает её целостность, сплочённость и повышает конкурентоспособность. Принцип «Возлюби ближнего своего!» оборачивается принципом «Один за всех и все за одного», и во внешних столкновениях группа выступает как Монолит.

Однако у этого есть и обратная сторона. Исследования показывают прямую зависимость между сплоченностью своих и враждебностью к чужим. Более того, именно враждебное окружение становится фактором повышения внутренней сплоченности групп, к чему мы еще вернемся, и, соответственно, эволюции эмпатии.

Если крысам бросить чужака, они его тут же разорвут, то же сделают и волки. Когда несколько самцов шимпанзе из одной группы встречают одинокого чужака, вероятность нападения равна 100%. «Убей чужого!» - универсальный принцип взаимоотношений животных групп. Однако усиление эмпатии в

антропогенезе сопровождается ростом межгрупповой вражды, что подтверждается огромной долей останков наших далеких предков со следами насильственной смерти. Есть даже гипотеза, что утолщение костей черепа в этот период выступало защитным механизмом, естественной броней при межгрупповых столкновениях.

Поговорим теперь о связи эмпатии и познания.

Как известно, эмоции - важнейший фактор формирования поведения. Страх толкает убежать, а гнев нападать. Поэтому если я в конкретной ситуации ощущаю эмоцию другого человека, то могу спрогнозировать его поведение. Непосредственное чувствование чужого эмоционального состояния это простейшая форма эмпатического познания. Более сложная форма позволяет прогнозировать и моделировать уже внеситуативное поведение: в психику субъекта как бы *водружается* другой индивид, с которым есть опыт эмпатического взаимодействия. Обе эти формы, доступны высшим обезьянам. Но третья, сегодня присущая только человеку форма – *обобщенный* водруженный другой – позволяет прогнозировать поведение *группы* или входящего в нее индивида. Воспринимая во время войны кого-либо как врага или как своего, человек строит разные поведенческие прогнозы, и они никак не связанные с тем, блондин он или брюнет, толстый или тощий и т.п.

Такие познавательные единицы, которые не несут в себе каких-либо чувственных характеристик, называются понятиями, и именно понятийное мышление, *разум*, отличает нас от животных, в том числе высших обезьян, которые, замечу, в других познавательных способностях вполне с нами конкурентоспособны, а в чем-то и превосходят. Поэтому современные приматологи хором твердят, что человеческий интеллект лишь количественно, а не качественно отличается от животного. Думаю, они сильно ошибаются. Именно понятия находятся за пределами животных познавательных возможностей. А поскольку понятие не связано естественным образом с каким-то физическим телом, то для них вырабатываются искусственные тела – знаки. Так формируется недоступный животным лексический слой языка – язык понятий человеческого разума, у истоков которого стоит эмпатия.

С появлением общества

эмпатия оказывается интегрированной в сложнейшие социальные процессы, порой трагические. Чтобы говорить об этом, нам сначала надо обозначить, что такое общество, и с чего оно начинается.

Вид *Homo sapiens* появился более 200.000 лет назад. Но ещё 70, 60, и возможно даже 50.000 лет назад сапиенсы с экологической точки зрения не очень отличались от высших обезьян. Они так же жили группами в пару десятков индивидов. Да, они использовали орудия труда, но ведь и шимпанзе их используют. Примерно 20% рациона шимпанзе добывают при помощи орудий.

Конечно, у ранних сапиенсов процент выше, но это лишь количественное отличие. Никаких признаков хозяев земного шара у них не просматривалось.

Человек стал господином планеты потому, что люди научились сотрудничать не только внутри своей группы, но в гораздо больших масштабах. В любом мобильном телефоне, который у каждого в кармане, синтезированы мысль и труд миллионов людей. Конечно, движение от нескольких десятков человек к миллионам было долгим, но первым и важнейшим скачком стал переход от одиночных разрозненных взаимно враждебных групп в дуальные союзы. Именно при формировании этих союзов был выработан принципиально новый тип соединения людей, который впоследствии позволил, подобно молекулам, включать в себя все больше атомов. Именно возникновение таких дуальных союзов и знаменовало появление общества.

Как произошел тот пробой межгрупповой вражды, который позволил сформироваться дуальным союзам? Наиболее вероятной выглядит следующая гипотеза.

Антропологи установили, что 100 тлн сапиенсы впервые вышли из Африки и заняли Переднюю Азию. Но вскоре вследствие обледенения и похолодания из Европы сюда же пришли неандертальцы, физически куда более сильные, и потому легко вытеснили сапиенсов.

Однако спустя еще 50 тлн сапиенсы вновь вышли из Африки и на сей раз неандертальцы не смогли помешать их распространению. Сапиенсы совершили европейский блиц-криг, вытеснив неандертальцев, затем двинулись на восток вдоль побережья Индийского океана, а затем на север вглубь Азии и на юг вплоть до Австралии, попутно уничтожая азиатских неандертальцев, денисовцев и всех прочих хомо, которые им там встречались.

Неандертальцы тогда культурно совсем или почти не уступали сапиенсам. Но подобно тому, как в современных безгосударственных обществах враждебные, но культурно близкие коллективы объединяются перед лицом явных чужаков, общего врага, то же сумели сделать и древние сапиенсы. То, что это им было в принципе по силам, несомненно, поскольку по интеллектуальному потенциалу они ничем не отличались от нас. Но если современные африканцы объединяются легко и быстро, то нашим дальним предкам потребовался куда БОЛЬШИЙ срок, так как им еще предстояло выработать механизмы совместного сосуществования чужаков. Обратимся к этим механизмам.

Общества, представляющие собой дуальные союзы, существуют и в современных безгосударственных культурах. Исследования показывают, что между их половинами есть скрытая вражда. Причины ее прозрачны, если надо, я в рамках ответов на вопросы поясню, а пока примем как факт. Также обстояло дело и в первичных дуальных союзах, еще и усугубляясь исторически недавней абсолютной враждебностью, войной всех против всех, что не могло не порождать конфликтов между лицами, принадлежащими разным половинам. При этом за каждым участником конфликта стояла его группа, в которой сохранялся постприродный принцип «один за всех, все за одного». В прежней

логике сколь-нибудь серьезный конфликт неизбежно должен был развиваться в самоубийственное для альянса боевое столкновение. Однако поскольку дуальные союзы оказались устойчивыми, то, значит, там существовал какой-то чрезвычайно мощный фактор, который блокировал боевое столкновение половин.

Исследования показывают, что этот фактор базировался на том, что каждая из половин была экзогамна, и брачные партнеры всегда принадлежали разным половинам. Существовала так называемая патрилокальность, при которой жена переходила к мужу. Это значит, что у мужчин из одной половины, назовем ее А, жены принадлежат другой половине, назовем ее В.

Теперь представим себе, что в ходе частного конфликта человек из половины А убил человека из половины В. Сострадание к убитому требует мщения. Но если в качестве ответа В нападут на А, то их дочери и сестры, то есть жены мужчин из половины А, окажутся заложницами, находящимися в смертельной опасности. Возникает эмпатия по отношению к ним. Сострадание к убитому останавливается другим состраданием.

Поскольку структура дуальной общности симметрична, то же работает и в обратную сторону. Таким образом, взаимное заложничество, обусловленное экзогамией, оказывается надежным фактором принуждения к миру и формирования консенсуса ненасилия в отношениях половин дуального союза. Эмпатия как бы раздваивается и гасит саму себя, блокируя столкновения половин, хотя между этими половинами никакой эмпатии нет.

Поскольку нанесение ущерба контрагенту (от убийства до унижения достоинства) не могло остаться без ответа, ибо нарушало системообразующее равновесие сторон, должна была сформироваться процедура, обеспечивающая восстановление равновесия и включающая в себя установление факта нанесения ущерба, виновного, способа восстановления равновесия (наказания, нанесения эквивалентного ущерба и т.п.). Эти три момента образуют *судебную процедуру*. Она, в свою очередь, предполагает наличие *правил или норм* организации судебного процесса. Кроме того, в отсутствие специализированных силовых структур, судебное решение могло исполняться, только если суд завершался *договором* о его исполнении.

Таким образом, условием устойчивости дуальных союзов было формирование механизма, включавшего в себя *принуждение* (к миру, из которого вырастает консенсус ненасилия), *суд, нормативность, договор*. Такой механизм называется *правом*. Право, следовательно, становится ключевым фактором формирования общества. При этом именно эмпатия выступает той основой, которая обеспечивает консенсус ненасилия, выступающий фундаментом права.

Эмпатия, сама себя погасившая внутри права, за его пределами обретает огромную роль в социальной жизни. Понятно, что она остается исключительно важной в межиндивидуальных отношениях, в семьях и иных малых группах, но

это мы оставим психологам. Я же остановлюсь на ее принципиально новом проявлении.

Как мы видели, эмпатия работает в отношениях между своими. Но кто такие свои? Десятки тысяч лет для сапиенсов своими были члены ближайшей базовой группы, с которыми они общались ежедневно. Каждый незнакомый был чужак и, следовательно, враг. Но с возникновением права появилась возможность такого роста численности обществ, при котором знакомство всех со всеми уже невозможно.

Впрочем, право – необходимый, но недостаточный механизм для формирования таких обществ. Второе обязательное условие уже относится к познавательной сфере и касается возможности мысленного охвата такого общества его членами. Чувственными или, как их точнее называть, сенсорными познавательными средствами это сделать невозможно. Во-первых, всех сразу не увидишь, во-вторых и в главных, общество как таковое не имеет физических, то есть чувственно воспринимаемых, характеристик. Оно не бывает желтым или зеленым, гладким или шершавым, кислым или соленым. Охватить общество можно только при помощи понятий. Но этот познавательный инструментарий, также выросший из эмпатии, к тому времени уже существовал вместе со своей языковой оболочкой. Понятия, оформленные в слова и другие так называемые конвенциональные, то есть условные, знаки, позволили фиксировать огромные неохватываемые взором общества, где все, в том числе лично незнакомые, но одинаково обозначающие и описывающие себя, воспринимались друг другом как *свои*, а те, кто описывал себя по-другому, – как *чужие*.

Животная матрица «свой – чужой» возрождается на новом уровне. Если до возникновения общества «война всех против всех», по выражению Томаса Гоббса, шла между небольшими коллективами, то теперь она становится войной между огромными обществами, которые внутри себя связаны замешанной на уникальной истории эмпатией (причем истории обычно почти целиком вымышленной), эмпатией, которая во внешний мир оборачивается страхом перед чужаками и, соответственно, ненавистью к ним и желанием уничтожить. Чужие – нелюди и источник мистической опасности.

Принцип «убей чужого» вновь оказывается системообразующим, но уже на новом уровне. При этом не имеет значения, что лежит в основе формирующего границу своих и чужих описания. Это может быть религиозная вера. Миллионы людей, верующих в одного Бога, завещавшего Любовь, на протяжении веков уничтожают друг друга – Варфоломеевская ночь и все остальные взаимные убийства католиков и протестантов. Это может быть расизм – и тогда мы имеем, например, апартеид. Это может быть пролетарский социализм – и мы имеем истребление миллионов людей как представителей и пособников бывших так называемых эксплуататорских классов. Это может быть национал-социализм, и мы имеем холокост, лагеря смерти, сожженные белорусские, украинские и русские деревни. Это может быть джихад, и мы имеем зверства Хамаса, в том числе, например, **в кибуце Кфар-Аза**, где зафиксировано, как боевики всего несколько дней назад жгли безоружных людей, уничтожали целые семьи,

включая младенцев, и отрезали им головы. И этот страшный перечень можно продолжать и продолжать.

Тесно связанная с эмпатией матрица свой-чужой чрезвычайно прочна, и хотя это пока наукой не подтверждено, не сомневаюсь, что она имеет и генетическое основание, поскольку проистекает из природы. При этом она еще и помножена на культуру, что радикально усиливает генетический фундамент. Поэтому ей очень легко манипулировать, что сплошь и рядом делают для укрепления своей власти политики, изображая соседей врагами, а несогласных их пособниками.

Эмпатия – прекрасна. На ней базируются дружба, любовь, лучшее, что есть в человеческом мире. Но за ней спрятана изнанка – врата бездны, готовые в любой момент раскрыться, чтобы поглотить несчетные количества людей.

Как быть с этой угрозой? Как закрыть эти врата на неоткрывающийся замок? Хотя универсального рецепта в смысле алгоритма действий на все возможные случаи нет, но некоторые ориентиры, в общем, ясны, и в контексте нашей темы я остановлюсь только на двух.

Первое. Сегодня основными игроками на социальном пространстве являются страны. Отношения между ними исторически более или менее аналогичны отношениям между досоциальными человеческими группами, где выходом из войны всех против всех стали базирующиеся на незыблемости права межгрупповые союзы. В этой же роли сегодня должно выступать международное право. Все не могут любить всех, человек не так устроен. Но, в отличие от эмпатии, которая распространяется только на своих, праву нет дела до разделения своих и чужих. Утопия всеобщей любви недостижима. Но, как писал великий русский философ Владимир Соловьев, «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он... не превратился в ад».

И второе. Хотя эмпатия в основе своей бессознательна, человек – разумное существо. И этим разумным существом выступает человеческая ЛИЧНОСТЬ, а не человеческая общность. Как говорил другой великий русский философ, Николай Бердяев, Бог создал по своему образу и подобию человека, а не коллектив. Поэтому человек изменяет своему божественному предназначению, своему богоподобию, если он бездумно растворяется в коллективе, как бы этот коллектив ни назывался. Быть личностью – значит, в том числе, уметь противостоять тому человеческому сообществу, которое пытается эту личность подавить и превратить в винтика социальной машины. Как поется в известной песне Высоцкого,

«Никто поделаться ничего не смог,
Нет, смог один, который не стрелял».

Общество, состоящее из личностей, а не винтиков – гарантия того, что обратная сторона эмпатии не вырвется наружу.